

занные с проблемами в области социальной коммуникации и имеющие особенности в своей социально-перцептивной сфере [4, с. 118–129].

Заключение. Таким образом, понимание как метод познания в теории диалогизма М.М. Бахтина неотделим от образа другого человека, неотделим от ценностной ориентации исследователя. Постоянное осознание присутствия «Другого», в том числе и в состоянии одиночества, обрекает человека на диалогическое общение, т.е. на анализ и понимание.

Фактически в своих рассуждениях М.М. Бахтин приходит к заключению о том, что именно другой человек является предметом и объектом человеческой коммуникации. Коммуникация служит связующим звеном между «Я» и «Ты». Благодаря акту общения происходит познание тех истин, к которым стремится личность.

Познавая себя посредством отражения другого, человек не может оставаться статичным, не меняющимся на протяжении всей своей жизни. Другой становится своеобразным ориентиром для таких изменений в этом сложном и запутанном мире. Также другой посредством коммуникации формирует в человеке личностные качества, благодаря которым люди учатся интерпретировать, понимать и оценивать других людей.

Список использованной литературы:

1. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук / сост. С.Г. Бочаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 3–226.
2. Зиновьева, А.А. Проблема «Другого» в философии М.М. Бахтина / А.А. Зиновьева // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2011. – №1. – С. 13–22.
3. Ситников, В.Л. Образ ребенка (в сознании детей и взрослых) / В.Л. Ситников. – СПб: Химиздат, 2001. – С. 185.
4. Ситников, В.Л. Образ тела в сознании виктимных подростков, переживших сексуальное насилие / В.Л. Ситников, А.А. Стреленко // Ученые записки ЗабГУ. – Сер. Педагогика. Психология. – 2016. – Т. 11. – № 2. – С. 118–129.
5. Чистилина, И.А. Герменевтическая концепция М.М. Бахтина: от идеи диалога к проблеме понимания: автореф. дис. ...канд. философ. наук: 09.00.01 / И.А. Чистилина; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2006. – 22 с.

Богомаз С.Л.

ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск

Доцент, кандидат психологических наук

vsu@mail.ru

УДК 159.99

КАТЕГОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ

В статье рассматриваются проблемное поле и содержание понятия «ментальность», а также подвергается анализу обширный комплекс проблем, связанных с данным феноменом.

Ключевые слова: ментальность, менталитет, национальный характер.

CATEGORY OF MENTALITY IN MODERN PSYCHOLOGICAL TRADITIONS

The article examines the problem field and the content of the notion «mentality», and also analyzed a wide range of problems associated with this phenomenon.

Key words: mentality, mentality, national character.

Введение. В 1946 г. французский теолог П. Тейяр де Шарден определил человека как центр перспективы и центр конструирования универсума [46, с. 36–37], чем поставил данную проблему в центр философского и общенаучного умозрения. Сегодня правильность такой постановки этого вопроса не вызывает каких-либо нареканий. Феномен человека уникален в силу того, что вокруг него сосредотачиваются и законы природы, и законы развития общества. «В этой области смыкаются интересы фундаментальных общественных и естественных наук, а также и научно-практических комплексов (медицинских, педагогических, технических наук)» [30, с. 1]. Однако ведущее место в исследовании данной проблематики, на наш взгляд, принадлежит таким гуманитарным дисциплинам, как психология и история. Предметом первой является структура психики человека и его взаимоотношения с окружающим миром, вторая же сосредоточена на изучении общественного развития человека в конкретной временной перспективе. Таким образом, они достаточно близко стоят друг к другу, однако конкретные шаги к их сближению наметились только в XX веке.

Это произошло, когда в начале прошлого столетия традиционная диада объектов исторического познания «культура – цивилизация» (представляющая собой абстрактно-теоретическую модель исторической реальности) расширилась таким крайне важным компонентом, как ментальность. Последняя стала общим связующим моментом психологии и истории, обозначила путь к системному знанию о человеке во времени, подключила к таковому ресурсы таких наук, как этнология, социология, политология, философия.

Учитывая такую важную роль исследования ментальности в изучении феномена человека, выглядит тем более странным существование на протяжении практически столетия такого обширного комплекса связанных с ней проблем. В частности, до сих пор не существует единого и всеохватывающего определения ментальности, нет чёткого разграничения понятий ментальность и менталитет (если такое разграничение вообще необходимо, на предмет чего также нет единого мнения), отсутствует чёткая позиция по отношению к объёму понятий «ментальность» и «национальный характер» (некоторые исследователи [27, с. 88] пытаются даже соотносить ментальность с понятием «социальная психология») и т. д.

Таким образом, несмотря на достаточно большое количество связанных с ментальностью проблем, в настоящее время перед научным сообществом стоит задача системного исследования теории ментальности. Вместе с тем, нельзя не отметить, что до настоящего времени предпринималось достаточно большое количество попыток определить характер и содержание термина «менталитет».

Ведущая роль в разрешении этой проблемы принадлежит, безусловно, французской историографической школе «Анналов». Здесь в первую очередь необходимо вспомнить работу основателя школы и пионера в области исследования менталитета М. Блока «Апология истории или ремесло историка» [4], в которой он высказывает принципы своего видения исторического процесса, в том числе постулат «новой исторической науки»: от разнообразия человеческих фактов к единству сознания.

Традиции М. Блока продолжили в 60-е гг. XX в. Ж. Ле Гофф, уделивший проблеме ментальности главу в своём фундаментальном труде «Цивилизация средневекового Запада» [32], П. Шоню, сосредоточивший особенное внимание на исследовании пространственного компонента ментальности в своей работе «Цивилизация классической Европы» [47], А. Гийу, занявшийся анализом образа мышления жителей Византии в одной из глав своей «Византийской цивилизации» [9] и др.

Совершенно особенное место в исследовании менталитета принадлежит Ф. Граусу, подготовившему одно из лучших на сегодняшний день описаний интересующего нас феномена в статье «Ментальность: опыт определения понятия и методов исследования» (1987 г.) [Цит. по 39].

Современные представления о менталитете ещё будут рассмотрены ниже, в то же время говоря об историографии ментальности, нельзя не вспомнить ряд отечественных исследователей, внесших весомый вклад в разработку данной непростой проблематики. И в первую очередь необходимо обратить внимание на исследования А.Я. Гуревича, последняя работа которого «Индивид и социум на средневековом Западе» [14] посвящена проблемам существования человеческой личности в эпоху Средневековья. В одной из своих работ он определял понятие «ментальность» как «термин, которым «новая историческая наука» <...> обозначает главный предмет своего анализа: социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности» [12, с. 76].

Наряду с многолетними разработками А.Я. Гуревича представляют интерес статьи Ю.Д. Коробкова «Современные трактовки ментальности: проблемы и перспективы» [27], а также А.В. Метелева «Ментальность в этимологической и категориальной системах» [39]. Указанные авторы проводят достаточно глубокий анализ существующих на данный момент определений ментальности и определяют круг существующих в данной сфере проблем. Стоит отметить также, что значимых результатов в разработке проблем менталитета достигли П.К. Дашковский [16], Н.А. Дунаева [19], И.И. Иванова [23], В.Л. Киссель [26] и др.

Между тем, необходимо заметить, что самое пристальное внимание уделяется в настоящее время проблеме менталитета украинскими учёными, среди которых значительных успехов достигли Э. Макаренко [36] и особенно Р.А. Додонов, две книги которого посвящены разработке целостного учения о детерминантах мыслительных автоматизмов [17; 18].

Вместе с тем, несмотря на достаточно обширную библиографию исследований, посвященных проблемам ментальности, многие вопросы в этой области на сегодняшний день остаются без ответа.

Цель данного исследования состояла в изучении структуры ментальности и объема ее проблемного поля, а также в анализе обширного комплекса проблем, связанных с данным феноменом.

Материал и методы. Материалом послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых психологов, касающиеся заявленной проблемы. Использованы методы научного психологического исследования теоретического уровня: философско-психологический анализ и синтез, моделирование и триангуляция, сравнения и обобщения (в том числе обработка и интерпретация библиографического указателя, представленного в научной электронной библиотеке диссертаций и авторефератов Российской Федерации (dissertCat – электронной библиотеки диссертаций).

Методы применялись в системе, но выбор каждого из них определялся возможностью метода устанавливать причинную связь, выявлять внутреннюю структуру, движущие силы развития предметов, процессов и отношений, а также его способностью вступать во взаимосвязи с другими методами.

Результаты и их обсуждение. Французская историографическая школа «Анналов» внесла огромный вклад в развитие теории и практики изучения менталитета, её представители справедливо считали, что сама постановка проблемы

ментальности в историческом познании в частности и общегуманитарном в целом по сути означает революцию в сфере наук о человеке. Вместе с тем, мы можем отметить, что именно с этого времени начинается формирование проблемного поля ментальности как кроссдисциплинарного термина. Особенно важным этот вопрос является сегодня, когда, несмотря на значительные успехи в области построения различных парадигм ментальности, всё также как и в начале XX в. термин носит сугубо конвенциональный характер и значительных шагов в формировании окончательной его дефиниции пока не сделано.

Стоит отметить также, что в рамках европейской языковой традиции, существуют и функционируют по сути несколько подобных по значению терминов: немецкое «die Mentalität» (образ мысли, склад ума), английское «mentality» (умственное развитие, склад ума, умонастроение), французское «mentalité» (направление мыслей, умонастроение, направленность ума, склад ума) и т.д. причём понятия эти не вполне тождественны, хотя этимологически и привязаны к человеческому сознанию, мышлению, умственной деятельности.

Обращаясь к научным исследованиям, посвященным изучению ментальности, можно заметить, что параллельно употребляется и другой научный термин, претендующий на самостоятельность, – менталитет. Хотя, по сути, по поводу соотношения этих понятий в современном гуманитарном познании ещё не выработано единого чёткого подхода. Некоторые авторы разграничивают их полностью, другие же не поддерживают этого мнения и считают необходимым признавать, что «в современной отечественной научной литературе употребляются одновременно два понятия: «ментальность» и «менталитет», которые не имеют между собой существенного различия, а являются переводом с различных иностранных языков» [17].

Не вдаваясь в подробности данного научного спора, мы отметим только лишь, что вычленение из состава понятия «ментальность» нового научного термина, и особенно такой общефилософской категории, предполагает значительную степень развитости описываемого этим термином (категорией) явления. Разделение же понятий «менталитет» и «ментальность» в сегодняшних условиях, когда пока ещё нет окончательной ясности по поводу природы и содержания собственно ментального феномена, а в методологии господствует тотальный плюрализм подходов и мнений, едва ли является правомерным. На наш взгляд, это дело будущего, когда появится потребность в более гибких когнитивных инструментариях, когда за ментальностью окончательно закрепится статус социально-философской категории, а обозначать она будет вполне конкретное явление и не более того. В контексте данного исследования термины «менталитет» и «ментальность» рассматриваются как синонимы.

Кстати, можно отметить, что о степени развитости ментального феномена косвенным образом свидетельствует уже хотя бы тот факт, что сам термин «ментальность» в современных его трактовках появляется намного позднее, чем исследования на эту тему. Образовавшийся таким образом хронологический разрыв между явлением и понятием породил немало путаницы и непонимания в научных кругах, обусловив, в конечном счете, нынешнюю проблему определения природы менталитета. И в данном случае, имеет смысл рассмотреть систему современных представлений о менталитете, тем более, что эти дефиниции, по сути, и будут содержать в себе интересующие нас компоненты проблемного поля ментальности. В связи с этим заслуживают внимания прежде всего дефиниции ментальности, относящиеся к периоду от начала 60-х гг. (возрождение «новой исторической науки») и до настоящего времени.

Вероятно, логичным будет начать с определений, которые предлагаются основателями истории ментальности, представителями «новой волны» (60-е – начало 70-х гг.) в школе «Анналов». Интересно и оригинально высказывается по поводу данной проблемы Ж. Ле Гофф в своей ставшей уже классической статье «Ментальности: двусмысленная история» (1974 г.). Он констатирует тот факт, что слово ментальность, несмотря на относительную новизну и модность, стало уже банальным и постоянно подвергается критике. «Какая реальность стоит за этим понятием?» – вот основной вопрос противников его использования. Ответ Ж. Ле Гоффа состоит в следующем: «...сильная сторона истории ментальностей заключается именно в том, в чем ее часто упрекают – в расплывчатости ее предмета, в ее попытках уловить упускаемый другими науками «осадок» исторического анализа, отыскать нечто, от него ускользающее. Такое «нечто» может перевесить гораздо более «вещественные факторы» [Цит. по: 41, с. 40]. Наверное, с точкой зрения Ж. Ле Гоффа относительно весомости понятия «ментальность» отчасти можно согласиться, хотя бы потому, что его использование уже оправдало себя при прояснении некоторых культурологических, социальных и, прежде всего, исторических проблем.

Кроме того, стоит отметить, что помимо ментальности в научном обороте и по сей день находится довольно много понятий с достаточно неопределенным содержанием и неясным предметом, например, такие, как культура, сознание и т.д. Тем не менее, пока мало кто сомневается в их необходимости.

Вместе с тем установка Ж. Ле Гоффа на то, что неопределенность ментальности предоставляет исследователям свободу в использовании этого понятия, представляется спорной. При разноречивой интерпретации ментальности возникает проблема адекватного понимания исследователями друг друга. Кроме того, наверное, все же нельзя отказываться от попыток добиться определенности данного понятия, найти для него «нишу» в языке. Иначе беспорядочное использование ментальности может привести к тому, что это слово действительно станет лишним и бессмысленным либо станет синонимом уже «определившегося» понятия.

Нечто подобное происходит у Ф. Ариеса в его статье «История ментальностей» (1978 г.), где он пишет о понятиях «ментальная структура» и «видение мира» как близких по значению.

По его мнению, ментальность – это «коллективное неосознанное», т.е. «коллективное: общее для всего общества в некоторый момент. Неосознанное: плохо или вовсе не замечаемое современниками, потому что соединяет в себе входящие в устойчивые основы их натуры, общепринятые взгляды или расхожие идеи, общие штампы, правила приличия и морали, приверженность установленным нормам и запретам, принятые выражения, обязательные или недопустимые чувства и воображаемые образы. Историки говорят о «ментальных структурах», о «видении мира», чтобы подчеркнуть связные и необходимые элементы определенной психической тотальности, которая неосознанно принимается современниками» [Цит. по: 39].

В данном случае Ф. Ариес, пусть не достаточно четко, но довольно внятно определил ментальность как коллективное неосознанное, имеющее культурное происхождение. Однако следующее за тем отождествление «ментальной структуры» и «видения мира» вызывает недоумение, так как понятие «видение мира» предполагает не только неосознанные элементы, но и вполне сознательные.

Пожалуй, наиболее удачными и признанными среди исследователей ментальности являются определения, принадлежащие Г. Телленбаху. Одно из них более раннее и менее конкретизированное – из статьи «Менталитет» (1974 г.): ментальность – «...всеобщая установка или коллективный образ мыслей, обладающий

относительным постоянством и основывающийся не на критической рефлексии или спонтанных случайных мыслях, а на том, что рассматривается в пределах данной группы или общества как само собой разумеющееся» [25, с. 93].

Популярность этой дефиниции, возможно, объясняется тем, что здесь найдено равновесие между крайними позициями исследователей 60-70-х гг. С одной стороны – подкрепленная аргументами и авторитетом Ж. Ле Гоффа склонность к широкому и свободному толкованию ментальности, оставляющая данное понятие весьма неопределенным и многозначным. А с другой – попытки дать ему строгое и однозначное определение.

Содержание другой, более поздней дефиниции Г. Телленбаха в статье «Ментальность» (1982 г.) отличается большей четкостью и, по-видимому, отражает растущее стремление историков ментальности 80-90-х гг. решить проблему ее определения. «Ментальность – это естественное, само собой разумеющееся, часто даже импульсивное поведение и реагирование; произвольный, мало подверженный воздействию сознания образ мышления. Это хорошо проявляется в идиомах, передаваемых из уст в уста пословицах, топосах, когда об их происхождении и точном значении не задумываются и когда они естественно, почти произвольно всплывают из подсознания». Данное определение, так же как и предыдущее, часто используется и цитируется авторами.

Характеризуя отношение к проблеме определения ментальности в европейских научных кругах в 80-90-е гг., стоит отметить, что здесь продолжается противоборство между существовавшими с 60-х гг. тенденциями. Но теперь доминирует мнение, согласно которому необходимо ограничить сферу применения этого понятия и конкретизировать его содержание. Вместе с тем, скорее всего, как реакция на сохраняющуюся разноречивость дефиниций все более настойчивыми становятся предложения отказаться от использования ментальности, заменить ее более привычными словами с устойчивыми значениями. При этом сторонники такой точки зрения признают, что прежде применение ментальности было довольно продуктивным.

Подобную позицию занимает О.Г. Оксле, который отказывается от использования слова «ментальность», ссылаясь на «его неопределенность и нечеткость, применение где угодно и как попало». Он считает, что при исследовании объясняющих схем общественного устройства и социальных метафор лучше употреблять термин «знание», так как он «имеет более четкий смысл и к тому же охватывает не только повседневное сознание, но и «теоретическое», научное знание теологов, философов и т.д.» [Цит. по: 39]. Отчасти можно согласиться с О.Г. Оксле в отношении неприменимости понятия ментальность для рассмотрения объясняющих схем и социальных метафор, так как они носят сознательный характер. Хотя не исключено, что и в данном случае может быть обнаружен ментальный подтекст. Однако симптоматичным выглядит не столько решение автора, сколько его обоснование. Такая аргументация ставит под сомнение правоту сторонников широкой интерпретации ментальности.

Однако, несмотря на усиливающуюся критику, эта тенденция по-прежнему существует. При этом ее представители не только повторяют доводы Ж. Ле Гоффа, но и опираются на авторитет М. Блока и JI. Февра – первых «анналистов» и исследователей ментальности.

Так, например, Ю. Митке в работе «Политическая теория и «менталитет» нищенствующих орденов» (1987 г.) высказывает мнение, что «...научные понятия должны обладать известной широтой, чтобы исследователь мог пользоваться в их рамках некоторой свободой дифференциации и уточнения – иначе возмож-

ность их применения будет слишком ограниченной». В качестве положительной стороны неопределенности понятия «менталитет» автор отмечает то, что оно «...позволяет хотя бы «номенклатурно», классификационно объединить постановки вопросов, бытующие в истории культуры, народоведении, истории мировоззрений, истории теорий, в одну перспективу, в одно новое «измерение» исторического исследования» [29, с. 86].

Сам Ю. Митке полагает, что «менталитет – это «самопонимание групп», о нем можно говорить только при исследовании группового поведения... Проявляется же этот групповой менталитет не в заметных поступках и индивидуально окрашенных представлениях, а в повседневном, полуавтоматическом поведении и мышлении. Речь идет о чем-то предшествующем личному сознанию. Таким образом, объектом изучения является тот общий «фон», на котором выступает индивидуально» [29, с. 86].

Поддерживая и обосновывая широкое толкование ментальности, Ю. Митке, соответственно, и сам вольно трактует ее. Интерпретируя это понятие как «самопонимание групп», он в результате включает в его содержание не только неосознаваемые элементы, но также и то, что в принципе может быть подвергнуто рефлексии.

Но, пожалуй, наиболее «свободно» определяет ментальность П. Динцельбахер в статье «К теории и практике истории ментальности» (1993 г.). «Историческая ментальность – это сочетание способов и содержаний мышления и восприятия, которое является определяющим для данного коллектива в данное время. Ментальность выражается в действиях». Дополняя это определение, автор объясняет, что он понимает под «содержанием мышления и восприятия». Это «общезначимые для данной культуры базовые убеждения: идеологические, политические, религиозные, этические, эстетические и прочие концепции, которыми пронизаны религии культуры и искусства в той мере, в какой они осознаваемы. Они могут быть вербализованы (хотя бы потенциально, абстрактно, как, например, представления, воплощенные в образах, метафорах, аллегориях) и являются предметом дискурсивной рефлексии» [Цит. по: 39]. Что же касается субъектов ментальности, то к таковым П. Динцельбахер причисляет не только любые группы людей (население континента, религиозная секта, половозрастные группы), но и индивидуумов.

Стоит отметить, что такое толкование ментальности является предельно оригинальным, так как автор ставит под сомнение как раз те ее характеристики, которые в основном признаются европейскими историками. Это, во-первых, то, что в рамках данного понятия мыслится сфера неосознаваемого и нерефлектируемого, и, во-вторых, то, что о ментальности можно говорить только применительно к социальной группе. В результате П. Динцельбахер отождествляет ментальность с термином «социальная психология». Эти слова становятся у него синонимами. С большой долей уверенности можно утверждать, что ознакомление с подобными дефинициями является одной из причин сомнения в необходимости и ценности понятия «ментальность».

Однако, несмотря на то, что в последнее время понятие «ментальность» уже не так популярно, как прежде, в 80-90-е гг. усиливается стремление исследователей уточнить его содержание. Именно потому, что мода на слово «ментальность» проходит и гораздо реже встречаются случаи его неадекватного применения, существует реальная возможность найти для него более строгие дефиниции. В этом случае данное понятие может стать действенным инструментом научного познания.

Один из сторонников конкретизации «ментальности» Ф. Граус достаточно основательно подошел к решению этой проблемы в статье «Ментальность: опыт определения понятия и методов исследования» (1987 г.). Правда, он сразу оговаривает то, что дать строгое определение ментальности очень трудно, но ее можно описать. Ф. Граус формулирует следующее довольно объемное и подробное «описательное определение»: «менталитет – это «общий тонус» долговременных форм поведения и мнений индивидуумов в пределах групп. Менталитет никогда не монолитен, часто противоречив; он образует специфические «вживленные образцы», стереотипы мнений и действий. Он проявляется в предрасположенности индивидуума к определенным типам реакций – собственно он является их механизмом [Цит. по: 39].

Менталитет отличается от «мнений», «учений», «идеологий» тем, что своим носителем он никогда не может быть отрефлектирован и сформулирован. Вопрос «Каков ваш менталитет?» лишен смысла. Менталитет может быть только «тестирован» извне, «отслежен» нами там, где мы видим что-то, не похожее на нас самих.

Менталитет не тождественен высказываемым мыслям и видимым образам действия. Менталитет стоит за ними и определяет границу между тем, что человек вообще может помыслить и допустить, и тем, что он ощущает как «немыслимое», «невозможное».

Менталитет изменяется со временем, причем различные мнения и образцы поведения обнаруживают неодинаковую жизнестойкость... менталитет – это всегда система, элементы которой различаются по возрасту, происхождению, интенсивности» [29, с. 80].

Предложенное Ф. Граусом «описание», похоже, лучшее на сегодняшний день. Здесь отмечены все основные признанные черты ментальности, с ним, как и с дефиницией Г. Телленбаха, согласны многие исследователи. В данном случае ментальность не подменяется другими близкими к ней понятиями и имеет собственное особенное содержание, к тому же достаточно конкретизированное. Однако определение Ф. Грауса имеет, по крайней мере, один существенный недостаток – оно слишком громоздкое, и потому его использование затруднено.

Некоторые предложения сторонников узкого толкования ментальности весьма неожиданны и нетрадиционны, но тем не менее заслуживают внимания.

Так, А. Буро в работе «Предложения к ограниченной истории ментальностей» (1989 г.), активно критикуя современную психологическую версию ментальной истории, указывает, в частности, на чрезмерную широту и неопределенность ее исследовательского поля, а также на тенденцию к субстанциализации ментальностей. Он предлагает не только пересмотреть задачи и сферу данной дисциплины, но и довольно оригинально понимает само понятие «ментальность». При этом автор, как он сам признает, развивает некоторые идеи М. Фуко, используя соответствующую терминологию (например, «дискурс», «высказывание»).

А. Буро считает, что ментальное следует выводить из сферы языка и речевой практики. А предлагаемая им «ограниченная история ментальностей может претендовать на описание определенного рода грамматики согласия (а не верования или причастности; речь идет о простом распознавании определенной манеры говорить)...». Иными словами, такая история ментальности должна будет обнаруживать, отмечать и описывать высказывания, образующие подоснову различных дискурсов. Не определяя непосредственно ментальность, он тем не менее тесно увязывает ее с категорией «коллективное», которую трактует как «...то, что ограничивает возможности действий и решений, что конструирует определенную манеру говорить на стадии, следующей за социальным формированием текстуаль-

ных, иконических и ритуальных репрезентаций, представлений и ориентиров, предшествующих высказываемым антагонистическим идиомам или дискурсам индивидов или групп» [Цит. по: 39].

А. Буро действительно ограничивает содержание ментальности, но отнюдь не в рамках традиционного психологического подхода, который с его точки зрения уже не популярен. Он предлагает не только принципиально иной аспект рассмотрения этого феномена, но и другое понимание ментальности – лингвистическое. Поэтому к его интерпретации малоприменимы понятия сознательного и неосознаваемого. Сама по себе попытка выхода на взаимосвязь истории и лингвистики, конечно, заслуживает внимания и может быть весьма продуктивной в качестве одного из способов исследования. Однако версия А. Буро предполагает приращение ментальности нового значения, в прежнем же смысле она для его концепции, по-видимому, не нужна. В связи с этим возникает вопрос: может быть, в данном случае проще и логичнее использовать или ввести другое понятие? Вероятно, такой вопрос для себя ставил и сам А. Буро, и потому, используя ментальность, он прямо не определяет ее, а фактически заменяет понятием «коллективное высказывание», которое, видимо, и призвано играть ведущую роль в его «ограниченной истории ментальностей» (вот только «ментальности» ли?).

Таким образом, проведенный европейскими учеными анализ применения понятия «ментальность» позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на использование этого понятия в работах некоторых исследователей с начала XX в., в широкий научный оборот оно было введено с начала 60-х гг. историками ментальностей и трактовалось достаточно широко. Однако с начала 80-х гг. в европейской науке усиливается позиция, согласно которой необходимо ограничить содержание ментальности и дать ей более четкое определение, т.е. сузить проблемное поле понятия, чтобы сделать его действенным инструментом научного познания. В противном случае ментальность может стать пустым и ненужным словом, либо будет синонимом одного из определившихся понятий.

Естественно, что данное исследование, направленное на построение парадигмы ментальности как детерминанты исторического процесса, предполагает некое своё определение данного термина. В рамках методологической концепции этой работы ментальность будет пониматься согласно указанной выше характеристике этого явления, данной Ф. Граусом.

Вместе с тем, говоря о проблемном поле ментальности, нельзя не выделить основные её компоненты. В этой связи расплывчатое, как представляется на сегодняшний день, определение указанного термина может быть, по мнению П.С. Гуревича, конкретизировано следующим способом: «Все особенности исторической ментальности – восприятие времени и пространства, отношение к природе и сверхъестественному, понимание возрастов человеческой жизни, трудовая мораль и отношение к богатству и бедности, право, мир эмоций – представляют собой культурные феномены, обнаруживающиеся (обнаружения), проявляющиеся в человеческой личности» [15, с. 247]. Собственно все эти, названные так П.С. Гуревичем, особенности исторической ментальности, видимо, являются её базовыми компонентами, каждый из которых подлежит отдельному изучению. В такой трактовке мы согласимся с этим тезисом указанного автора, однако дополним его несколькими достаточно важными компонентами.

В нашем понимании, структура менталитета, а соответственно и объем его проблемного поля должны быть следующими:

1. образ человека и его место в субъективной картине мира;

2. отношение к сверхъестественному;
3. восприятие времени и пространства;
4. понимание возрастов человеческой жизни;
5. трудовая мораль и отношение к богатству и бедности;
6. специфические нормы права, приличия, морали;
7. отношение к природе;
8. специфика эмоционально-волевой сферы.

Как можно видеть, ментальные представления, не являясь отрефлексированными, составляют основу достаточно обширного проблемного поля, которое уже в последние годы уже получило собственное название – ментология (т.е. учение о ментальности), однако это стало возможным только с опорой на достаточно весомую источниковедческую базу.

Заключение. Проблемное поле понятия «ментальность» является достаточно широким, что определяет важность дальнейших гуманитарных исследований в этом направлении. Вместе с тем, согласно содержания данного проблемного поля, исследование феномена ментальности методами только одной из гуманитарных дисциплин заранее обречено на неудачу. Конкретное знание о природе указанного феномена, в том числе и в русле разрешения вопроса о детерминированности им исторического процесса, возможно только с позиций системного подхода к его изучению.

Список использованной литературы:

1. Антипенко, О.Е. Подражание как механизм развития интеллектуального поведения и метакогнитивных способностей школьников / О.Е. Антипенко и др // Психодиагностика, консультирование и посредничество в профессиональных и непрофессиональных отношениях. Коллективная монография. Сер. «Актуальные проблемы практической психологии». – Торонто, 2018. – С. 568–586.
2. Ауэрбах, Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / Э. Мимесис, Ауэрбах. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 511 с.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М., 1979. – 415 с.
4. Бельчиков, Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики / Ю.А. Бельчиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teneta.rinet.ru/rus/be/belchikov_ocultnconnot.htm
5. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М., 1986. – 127 с.
6. Вендина, Т.И. Введение в языкознание / Т.И. Вендина. – М.: Высш. шк., 2001. – 288 с.
7. Владимирова, Л.В. Фразеология, перевод и картина мира / Л.В. Владимирова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ksu.ru/science/news/lingv_97/n27.htm
8. Волкава, Я.В. Польска-беларускі слоўнік: звыш 40000 слоў / Я.В. Волкава. – Мн.: БелЭн, 2004. – 880 с.
9. Вундт, В. Проблемы психологии народов / В. Вундт. – СПб.: ПИТЕР, 2001. – 159 с.
10. Гийу, А. Византийская цивилизация / А. Гийу. – Екатеринбург: из-во У-Фактория, 2005. – 552 с.
11. Гулыга, А.В. Немецкая классическая философия / А.В. Гулыга. – М.: Рольф, 2001. – 416 с.
12. Гуревич, А.Я. О кризисе современной исторической науки / А.Я. Гуревич // Вопросы истории. – 1991. – №2–3. – С. 21–35.

13. Гуревич, А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии / А.Я. Гуревич [Электронный ресурс] // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1., М., 1989. – С.75–89. – Режим доступа: <http://dejavu4.narod.ru/Mentalites.html>
14. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Том 2. Средневековый мир / А.Я. Гуревич. – М. – СПб.: Университетская книга, 1999. – 558 с.
15. Гуревич, А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе / А.Я. Гуревич. – М.: «РОССПЭН», 2005. – 419 с.
15. Гуревич, П.С. Культурология / П.С. Гуревич. – М., 2003. – 186 с.
16. Дашковский, П.К. К вопросу о соотношении категорий «менталитет» и «ментальность»: историко-философский аспект / П.К. Дашковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://irbis.asu.ru/mmc/meinik/6.ru.shtml>
17. Додонов, Р.А. Теория ментальности: учение о детерминантах мыслительных автоматизмов / Р.А. Додонов [Электронный ресурс]. – Запорожье: «Тандем-У», 1999. – 264 с. – Режим доступа: <http://donntu.edu.ua/russian/strukt/kafedrs/phil/works/title.html>
18. Додонов, Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р.А. Додонов [Электронный ресурс]. – Запорожье: РА «Тандем-У», 1998. – 205 с. – Режим доступа: <http://donntu.edu.ua/russian/strukt/kafedrs/phil/works /title.html>
19. Дунаева, Н.А. Менталитет. Историографический аспект / Н.А. Дунаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sodmu.narod.ru/tdun.htm>
20. Душков, Б.А. Психосоциология менталитета и нооменталитета / Б.А. Душков. – Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 448 с.
21. Иванова, И.И. Национальная ментальность и национальная философия / И.И. Иванова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/ivanovaii/comrnnat02_26.html
22. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. под ред. Михина Е.М. – М., 1996. – 216 с.
23. Киссель, В.Л. Национальная ментальность в философской культуре. Логический анализ / В.Л. Киссель, И.Г. Михайлов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/kissel vl/commnat02_27.html
24. Коробков, Ю.Д. Современные трактовки ментальности / Ю.Д. Коробков // Вестник ОГУ. – 2002. – №8. – С. 88–96.
25. Крысько, В.Г. Социальная психология / В.Г. Крысько. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 317 с.
26. Культура и общество в средние века в зарубежных исследованиях: Реф. сб. / АН СССР. ИНИОН. – М., 1990. – 184 с.
27. Ладик, Б.Б. Психофизиологическая структура личности / Б.Б. Ладик. – М.: Мед. лит., 2006. – 352 с.
28. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс, 2001. – 282 с.
29. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: У- Фактория, 2005. – 560 с.
30. Лепешаў, І.Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы / І.Я. Лепешаў. – Мн.: «Вышэйшая школа», 1998. – 389 с.
31. Льюис, Дж.Г. Античная философия: от Евклида до Прокла / Дж.Г. Льюис. – Мн.: Издательско-коммерческое общество «Галаксиас», 1998. – 224 с.

32. Макаренко Едуард. Поняття «ментальність»: етимологія, генеза та сфера вживання в сучасній українській мові / Е. Макаренко [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=303>
33. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994. – 682 с.
34. Маркс, К. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра, Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч: – М. 1955. – Т. 3. – С. 7–544.
35. Метелев, А.В. Ментальность в этимологической и категориальной системах / А.В. Метелев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tbs.asu.ru/news/fmt.ru.html>
36. Михина, Е.М. А. Бюргер. Понятие ментальности у Блока и Февра: две точки зрения, два пути / Е.М. Михина // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – С. 42–49.
37. Михина, Е.М. Ж. Ле Гофф. Ментальности: двусмысленная история / Е.М. Михина // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – С. 38–45.
38. Огурцов, А.П. Трудности анализа менталитета / А.П. Огурцов // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С. 50–54.
39. Савонарола, Дж. Молитвы из темницы / Дж. Савонарола. – М.: Изд-во Францисканцев, 1998. – 271 с.
40. Салеев, В.А. Язык в национальной культуре / В.А. Салеев. – Мн., 1992. – 48 с.
41. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. Вселенская месса / П. Тейяр де Шарден. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 352 с.
42. Шоню, П. Цивилизация классической Европы / П. Шоню. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 608 с.

Морожанова М.М.

*ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
Студент второй ступени высшего профессионального образования
morozhamari@yandex.by*

УДК 159.9.(091)(470) «19»

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ДИАЛОГА В ТРАДИЦИЯХ М.М. БАХТИНА

В статье обсуждается, как диалогический потенциал идей М.М. Бахтина соотносится с феноменологической психологией, которая фокусируется на построении субъективности через взаимоотношение «Я-Другой».

Ключевые слова: феноменологическая психология, сознание, диалог, М.М. Бахтин, самопознание, гетероглоссия, полифония.

PHENOMENOLOGICAL PSYCHOLOGICAL STATUS OF DIALOGUE IN THE TRADITIONS OF M. M. BAKHTIN

The article discusses how the dialogical potential of M.M. Bakhtin's ideas correlates with phenomenological psychology, which focuses on the construction of subjectivity through the relationship «I-The other».

Key words: phenomenological psychology, consciousness, dialogue, M.M. Bakhtin, self-knowledge, heteroglossia, polyphony.